

статуи, плакала навзрыдь — зрѣлище, которое могло тронуть сердце менѣе чувствительнаго человѣка, нежели Линлей.

— Сидни! — сказалъ онъ: — милая Сидни!

Она хотѣла отвѣтить, но голосъ измѣнилъ ей. Она протянула руку, чтобы удержаться за пьедесталь; если бы онъ не подхватилъ ее, она бы упала. Голова ея упала къ нему на грудь. Онъ взглянулъ въ измученное, заплаканное личико, озаренное кроткимъ сіяніемъ луны. Долгое время онъ честно сдерживалъ себя... но онъ былъ мужчина: одна безумная минута... одинъ страстный порывъ и онъ поцѣловалъ ее.

Впервые въ ея дѣвической жизни, губы мужчины коснулись ея губъ. Все, что было страннаго и непонятнаго, все, что невинно волновало и удивляло въ томъ чувствѣ, которое притягивало Сидни къ ея первому другу, перестало быть тайной. Любовь приподняла свое покрывало, природа обнаружила свою тайну въ одномъ блаженномъ поцѣлѣ. Она охватила руками его шею съ крикомъ восторга и отвѣчала на поцѣлуй.

— Сидни! — прошептала онъ: — я васъ люблю.

Она выслушала въ безмолвномъ восхищеніи. Ея поцѣлуй былъ отвѣтомъ ему.

Въ этотъ критическій моментъ ихъ жизни, ихъ спасло одно обстоятельство, одно ничтожное обстоятельство, ежедневно повторяющееся въ обыденной жизни. Застежка въ браслетѣ, надѣтомъ на рукѣ Сидни, разстегнулась, и браслетъ упалъ на траву, къ ея ногамъ. Мужчина этого и не замѣтилъ, но женщина увидѣла, какъ падалъ браслетъ... увидѣла и вспомнила, что это — подарокъ мистриссъ Линлей.

Похолодѣвъ и поблѣднѣвъ, съ отвращеніемъ къ себѣ самой, выразившемся въ этомъ движеніи, какъ оно ни было просто, она молча оттолкнула его.

Онъ удивился. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ сказалъ ей:

— Вамъ дурно?

— Мнѣ стыдно самой себя, — отвѣтила она, — а не дурно.

И указала на браслетъ, лежавшій на травѣ.

— Поднимите его; я не смѣю до него дотронуться. И смотрите на обратную сторону.

Онъ вспомнилъ надпись: — „Сидни Уэстерфильдъ въ знакъ дружбы отъ Катерины Линлей“.

Голова его склонилась на грудь: онъ ее понималъ, наконецъ.

— Вы меня презираете, — сказалъ онъ, — и я этого заслуживаю.

— Нѣтъ, я презираю самое себя. Я жила съ низкими людьми — и сама такая же низкая, какъ и они.